

Борьба классов. 1933, № 10 Волгин Вячеслав Петрович

ОТ БАБЕФА

И

МАРКСУ

«Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в экономических фактах». Так характеризует Энгельс в «Анти-Дюринге» взаимоотношение между новейшей социалистической мыслью и буржуазным просвещением XVIII века. *Mutatis mutandis* — та же формула может быть применена и к связи научного коммунизма Маркса и Энгельса с французским утопическим социализмом. Что французский утопизм является одним из источников марксизма, в этом не может быть никаких сомнений.

Но французский утопический социализм является весьма сложным и пестрым комплексом. И если вопрос о влиянии французского социализма на марксизм в его общей форме разрешается очень просто, то вопрос о пределах влияния отдельных представителей французского социализма гораздо менее ясен.

У нас нет до настоящего времени ни одной работы, которая бы ставила себе задачей исследование отдельных школ французского социализма с точки зрения их воздействия на формирование марксизма. Настоящий доклад имеет целью не столько подвести итоги исчерпывающего исследования данного вопроса, сколько на основании предварительной разведки наметить главные направления необходимой работы.

Маркс и Энгельс, как известно, относились весьма отрицательно к эпигонам утопического социализма, к социалистам 30-х и 40-х годов. «Значение утопического социализма», — говорит «Коммунистический манифест», — стоит в обратном отношении к историческому процессу». Иными словами, с каждым шагом вперед реального рабочего движения и с ростом классового самосознания пролетариата утопические системы, при своем зарождении отражавшие хотя и в фантастической форме настроения пробуждающегося пролетариата, приобретают все более реакционный смысл.

Это не исключает конечно возможности освоения Марксом и Энгельсом того или иного частного положения, формулировку которого они могли найти впервые у Леру, или у Пеккера, или у кого-либо из футуристов. Такого рода «заимствования», изысканием которых немало занимались критики Маркса, нас здесь не интересуют. Нас интересует влияние французского социализма в принципиальных вопросах. О таком действительном влиянии можно говорить лишь имея в виду основоположников французского утопизма, а не их позднейших продолжателей и вульгаризаторов.

Прежде всего о соотношении марксизма и бабунизма. Несомненно бабуизм можно рассматривать как предшественника марксизма. В «Коммунистическом манифесте» сочинения Бабефа отнесены к литературе,

которая в революциях нового времени выражала требования пролетариата. В «Анти-Дюринге» движение Бабефа характеризуется как движение того слоя, который был «более или менее развитым предшественником современного пролетариата». Маркс в то же время, когда он изучал утопизм начала XIX в., ревностно изучал историю Великой французской революции. Он хорошо знал конечно и книгу Буонаротти. Разумеется, философские и философско-исторические взгляды Бабефа и его соратников не могли импонировать Марксу, прошедшему школу германской классической философии. В «Святом семействе» он говорит о бабуристах как о грубых, нецивилизованных материалистах. В философии и в философии истории они не могли дать Марксу почти ничего, что не было бы ему известно из сочинений материалистов XVIII в. Здесь можно отметить положительным знаком только два тезиса бабуистов: их взгляд на исторический процесс как на вечную «войну между плебеями и патрициями, между богатыми и бедными» и их представление об экспроприации масс как о неизбежном последствии частной собственности и в то же время как о силе, подрывающей самые корни этого института. Но оба эти положения даны бабуистами в весьма абстрактной форме, для 40-х годов XIX в. уже устарелой. Совсем не является поэтому ни неожиданным, ни противоречащим оценке бабуистского движения как пролетарского то замечание, которое мы находим в «Немецкой идеологии»: «считать (Бабефа) теоретическим представителем коммунизма могло притти в голову только берлинскому школьному учителю».

Гораздо большее значение в развитии марксистского учения могли и должны были иметь политические и тактические взгляды бабуистов. Две черты резко отличают бабуистов как от их предшественников — коммунистов XVIII в., так и от великих утопистов начала XIX в.: идея революционного переворота во имя коммунизма и идея диктатуры трудящихся как переходного этапа к коммунизму. Бабуисты не сумели обогатить неизбежности коммунистической революции анализом движущих сил капиталистического общества, что сделал впоследствии Маркс. Диктатура, к которой они призывают, также не является еще диктатурой пролетариата, ибо у них нет отчетливой картины классового строения капиталистического общества. Эта недостаточность построений Бабефа и его соратников, с точки

зрения марксизма, объясняется недостаточным развитием капиталистических отношений и классового самосознания французского пролетариата эпохи революции. Говоря словами Энгельса («Праздник народов в Лондоне», 1846 г.): «заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку эти выводы были тогда возможны». Теми же объективными условиями объясняются и те недостатки в концепции бабуистов, которые отмечены в «Коммунистическом манифесте»: аскетизм и грубая уравнительность. В эту сторону мысль бабуистов толкали и относительно низкий уровень производительных сил и психологические особенности того общественного слоя, на который они опирались, — пролетариата, еще не изжившего мелкобуржуазных уравнилельных вкусов и симпатий.

Как бы то ни было, при всей указанной Марксом и Энгельсом теоретической и тактической отсталости бабуистской мысли, указанные выше основные положения бабуизма в очищенной от исторического шлама форме, с новым теоретическим обобщением вошли в железный инвентарь марксизма. Влияние бабуизма в этом пункте вряд ли можно отрицать.

Громадное расстояние отделяет примитивный революционный коммунизм Бабефа от научного коммунизма.

Маркс и Энгельс использовали и некоторые стороны учения Сен-Симона и Фурье. Ни система Сен-Симона и его ближайших учеников (мы имеем в виду в первую очередь *Exposition de la doctrine Saint-Simonienne*), ни система Фурье не были ни революционными, ни коммунистическими. С этой точки зрения они стоят дальше от марксизма, чем бабуизм. Но сен-симонизм и фурьеризм отличались несравненно большей широтой социального кругозора. И это объясняется конечно не только гениальностью их творцов. Сен-Симон и Фурье оказались в состоянии учить в своих построениях социальные итоги тех колоссальных сдвигов — экономических и политических, — какими был отмечен конец XVIII и начало XIX вв: промышленного переворота и Великой французской революции. Они поняли, хотя и с недостаточной полнотой, еще только складывающиеся в их эпоху отношения промышленного капитализма. Они сумели отразить настроения, вызванные болезненными процессами пролетаризации мелкой буржуазии и формирования промышленного пролетариата в современном смысле этого слова. Как социальные

теоретики и как критики капиталистических отношений они несомненно, по сравнению с бабувистами, стоят на недостижимой высоте. Неудивительно, что в «Коммунистическом манифесте» им отведено почетное место.

Прежде чем перейти к отдельным моментам построения Сен-Симона, необходимо обратить внимание на общую установку всей работы Сен-Симона. По его собственному заявлению его жизненной задачей было создание новой философии, основывающейся на приобретениях точных наук. Но философия для Сен-Симона — не только высшее теоретическое обобщение, но и практическое руководство. Организация философии — организация жизни. Основное для него, как и для Маркса, не в том, чтобы объяснить мир, но в том, чтобы его изменить. Под этим положением, формулированным Марксом в 11-м тезисе о Фейербахе, Сен-Симон несомненно, охотно подписался бы. И среди тех источников, которыми питалась мысль Маркса в период выработки им основ диалектического материализма, сочинения Сен-Симона могли занимать известное место.

Существеннейшую часть учения Сен-Симона составляет конечно философия истории. Идеалистическая в своей основе, она тем не менее отличается двумя чертами, которые сближают ее с историческим материализмом и которые могли произвести впечатление на Маркса. Это, во-первых, последовательный детерминизм, учение о закономерности исторического процесса, об историческом предвидении, основанном на понимании законов исторического развития. Это, во-вторых, элементы диалектики, содержащиеся в сен-симоновском построении истории с его историческими системами, в пределах которых человечество развивается, пока эти системы из формы развития не превращаются в препятствия развитию, которые затем разрушаются, чтобы дать место новым, соответствующим достигнутому человечеством уровню и обеспечивающим его дальнейший рост. Ясно, что между этими идеями и взглядами Маркса на исторический процесс и исторические формации имеются весьма существенные точки соприкосновения. Если принять во внимание имеющуюся у Сен-Симона яркую характеристику развития социальных отношений и классовой борьбы с XV в. до французской революции, — характеристику, несмотря на общие идеалистические установки Сен-Симона, весьма приближающуюся к материалистической, — влияние сен-симоновской философии истории на марксизм становится

очень правдоподобным. Конечно в своем развитии к историческому материализму мысль Маркса отправлялась прежде всего от Гегеля. Но «переворачивая» философию Гегеля «с головы на ноги», Маркс мог в ряде моментов опереться на сен-симонизм.

Представления Сен-Симона о будущем обществе конечно не могли быть использованы Марксом и Энгельсом. Идеи обязательного труда, плановой организации производства («ассоциация»), критика привилегий, основанных на случайности рождения, — все это дано Сен-Симоном в слишком общей и неопределенной форме; вряд ли Сен-Симон мог дать в этих направлениях какие-либо дополнительные толчки мысли людей, знакомых с коммунистической литературой. Самое большое, о чем здесь можно говорить, это о дополнительных аргументах. Одно следует однако подчеркнуть — это взгляд Сен-Симона на будущие судьбы государства: предстоящее отмирание системы господства, управления людьми и замена этой системы системой администрации, управления вещами. Эта идея в столь близкой к марксизму форме была дана до марксизма только у Сен-Симона. И историческое значение формулировки Сен-Симона не один раз отмечалось Энгельсом.

Более четкие социалистические выводы из положений Сен-Симона были сделаны Базаром в «Exposition de la doctrine Saint-Simonienne». Критика грюновской книги о французском социализме в «Немецкой идеологии» показывает, что Маркс и Энгельс хорошо знали не только «Exposition», но и сен-симонистские журналы «Producteur» и «Globe». Большая определенность социальных целей отразилась и на философско-исторической концепции Базара. В понимании ряда проблем Базар стоит много выше всех прочих утопистов. Он намечает к их решению пути, по которым шел Маркс в своей критике Фейербаха. Так, для Базара «индивидуальный» человек есть абстракция, реально существует общественный человек, плод общественного состояния своего общества, своего народа. Ближе к марксизму у Базара и понимание роли личности в истории. Деятельность человека детерминирована; но человек не есть пассивное существо, влекомое внешним роком, он является активным элементом в истории. Даже предугадывая будущее на основании изучения прошлого, личность сохраняет свою заинтересованность, и сознание неизбежности торжества ее стремлений способно лишь усилить ее активность, а отнюдь не ослабить.

Это осознание освобождает личность в истинном смысле этого слова от бессознательного подчинения власти неведомого закона. Наконец общее представление об историческом процессе как о смене форм эксплуатации вряд ли у кого до Маркса дано с такой яркостью, как у Базара: «Человек эксплуатировал до сих пор человека: господа — рабы; патриции — плебеи; сеньоры — крепостные; земельные собственники — арендаторы; празднолюбы — труженики, — вот история человечества до наших дней». Близость этой формулы к знаменитой формуле, с которой начинается первая глава «Коммунистического манифеста», сразу бросается в глаза.

В литературе не раз указывалось на «заимствование» Марксом и Энгельсом у сен-симонистов имеющегося в «Коммунистическом манифесте» требования отмены права наследования. Но не говоря уже о том, что «Коммунистический манифест» связывает это мероприятие с диктатурой пролетариата, оно имеется не только у сен-симонистов. В понимании, более близком Марксу и Энгельсу, мы находим его у бабувистов, и, думается, неслучайно, что оно стоит в «Манифесте» рядом с несомненно бабувистским требованием о конфискации имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

Сен-симонизм если и отражал настроение пролетариата на одной из стадий развития его классового самосознания, то лишь косвенно и в извращенном виде. Наряду с элементами, которые дают нам право видеть в нем предшественника марксизма, в нем были несомненно зародыши построений совсем иной социальной направленности. Именно поэтому сен-симонизм мог быть воскрешен в начале XX в. противниками пролетарского коммунизма, был противопоставлен ими марксизму. Именно поэтому у сен-симонистов могли черпать аргументы некоторые теоретики фашизма. Эти черты — антиреволюционность, отрицание классовой борьбы как силы, творящей новое общество, вера в классовую солидарность, на путях которой водворяется новая органическая система общества, иерархия способностей, развитая в «Exposition» в систему своеобразной теократии. Совокупность этих идей и позволила использовать впоследствии сен-симонизм врагами марксизма. Ясно, что эти специфические сен-симонистские идеи придавали всем их прогнозам такой характер, который отталкивал от сен-симонизма Маркса и Энгельса.

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Мин. Катчинский
(член Комитета исторического конгресса)

Вопрос о влиянии на марксизм Фурье несравненно более прост и ясен, отнюдь не потому, что он лучше разработан в исторической литературе, но потому, что на эту тему имеется гораздо больше существенных заявлений у Энгельса. Энгельс ценил Фурье весьма высоко, его отзывы о Фурье — с «Очерков критики политической экономии» 1843 г. и до «Анти-Дюринга» — почти не меняются в своем тоне.

Прежде всего мы имеем ряд лестных отзывов о философии истории Фурье. В «Анти-Дюринге» отмечены диалектическая трактовка у Фурье истории человечества и его схема исторических ступеней развития (диктатура, варварство, патриархат, цивилизация). И тем не менее в своих принципиальных основах философия истории Фурье слишком далека от исторического материализма, чтобы можно было говорить о ее сколько-нибудь значительном влиянии. Пронизывающий ее теологизм и телеологизм, вера в возможность для свободного человеческого разума влиять на естественный ход событий (известное «открытие» Фурье гармонического строя) конечно были отвергнуты марксизмом. Лишь отдельные ее черты — элементы диалектики, отмеченные Энгельсом, и элементы материализма (несоответствие между потребностями человека и ресурсами окружающей его среды как основной толчок к прогрессу человечества; характеристика исторических периодов производственными признаками) — могли дать ценный материал при выработке марксистского понимания истории.

Совершенно бесспорно использование Марксом и Энгельсом данной у Фурье критики цивилизации. В «Немецкой идеологии» эта часть учения Фурье признается важнейшей, его сатира — блестящей. В замечаниях, которыми сопровождает Энгельс перевод отрывка из Фурье о торговле, он отмечает,

что Фурье занимает в критике общества единственное место. Почти 30 лет спустя в «Анти-Дюринге» он повторяет эти оценки почти слово в слово с более развернутой аргументацией. И действительно, ни у кого из предшественников Маркса мы не найдем такой глубокой и беспощадной критики капиталистических отношений, какую мы имеем у Фурье. Анархия капиталистического производства, вытеснение мелкого производства крупным, кризисы, рост общественных антагонизмов и взаимной ненависти, роль государства и права как слуги и орудия богатых против массы населения, разложение семейных отношений и морали, прислужничество и практическое бесплодие философии, экономики и политики — все эти характерные черты капиталистического строя даны в нарисованной Фурье картине с непревзойденной яркостью; и конечно эта картина не могла не произвести на Маркса и Энгельса самого глубокого впечатления в период их роста к революционному коммунизму.

Что касается идеальной ассоциации Фурье — его «фаланги», то ее мелкобуржуазные черты — хозяйственная ограниченность, приближающаяся к автаркии, классовая структура и соответственный принцип распределения — должны были делать ее совершенно неприемлемой для Маркса и Энгельса. К тому же мы знаем, как отрицательно относились они даже в ранние годы своей деятельности к построению схем будущего общества. И тем не менее отдельные положения Фурье, относящиеся к будущему, были использованы марксизмом. Строя свою фалангу как типичный мелкобуржуазный утопист, ищущий путей к примирению классов, Фурье оказался способен в ряде пунктов выйти за пределы мелкобуржуазного кругозора и дать ряд поистине гениальных прозрений, социально обусловленных процессом пролетаризации того низшего слоя мелкой буржуазии, настроения которого он отражал. Уже в 1844 г. в «Очерках критики политической экономии» Энгельс солидаризировался с учением Фурье о соревновании и о его значении в будущем обществе. Возвращаясь в конце 70-х годов к вопросу

о социалистической организации производства (в связи с критикой Дюринга), Энгельс подчеркивает другую идею Фурье — идею разнообразия труда для каждого работника. Именно такая организация труда дает возможность, по мнению Энгельса, преодолеть пожизненное прикрепление рабочего к одному виду работы, ликвидировать разделение труда в его современной форме и сделать труд привлекательным. Наконец, начиная с «Немецкой идеологии» и кончая «Анти-Дюрингом», затрагивая вопросы воспитания и трудовой школы, основоположники научного коммунизма почти каждый раз отмечают гениальность педагогических идей Фурье.

Резюмируем. В истории революционного коммунизма предшественником марксизма по прямой линии является бабунизм. Но приняв бабуистскую идею коммунизма как «идею нового мирового порядка», Маркс и Энгельс использовали при построении научного коммунизма все ценное, что они нашли у великих французских утопистов: Сен-Симон и Базар дали им больше всего материала в области философско-исторической, Фурье — в области критики общественных отношений капитализма.

Однако и философия истории сен-симонизма и критика Фурье вошли в состав марксизма в переработанном виде. Не надо забывать, что сен-симонизм был использован Марксом и Энгельсом, уже прошедшими школу германской классической философии, в частности философии Гегеля; не надо забывать, что параллельно изучению критики Фурье шло изучение английской политической экономии. Только эти три источника дали Марксу и Энгельсу возможность построить новую, коммунистическую теорию, соответствующую новым социальным условиям, сложившимся уже в передовых европейских странах отношениям промышленного капитализма, быстро растущим — и количественно и в своем классовом самосознании — кадрам промышленного пролетариата. Идеологические предшественники марксизма интернациональны, как интернационализм и его социальная база.